

Аргудяева Ю.В.

Общественный быт русских старообрядцев в Маньчжурии

Исследование поддержано грантом Российского научного фонда «Этнические миграции как фактор цивилизационных взаимодействий и социокультурных трансформаций в Восточной Азии (история и современность)», проект № 14-18-00308

Аннотация. В статье рассматривается основная деятельность характерного для крестьян органа – общины. Освещается трансляция русскими старообрядцами традиций общины и общественного быта с юга Дальнего Востока России в Маньчжурию. Характеризуются особенности деятельности сельских старост в условиях принимающей страны.

Ю.В. Аргудяева

Ключевые слова: русские, старообрядцы, эмиграция, религия, община, общественный быт, сельские старосты, Маньчжурия

DOI: 10.22250/2072-8662.2016.4.3-13

В повседневной жизни маньчжурских старообрядцев общественный быт строился в соответствии с традициями общинной жизни крестьян Приморья, откуда преимущественно и эмигрировали в Маньчжурию старообрядцы-часовенные. У них продолжали бытовать сельская и конфессиональная община. В Маньчжурии, как и на юге Дальнего Востока России, обе эти общины слились в одну и образовали традиционный для русских крестьян орган, регулирующий общественную, духовную и бытовую жизнь деревни. Все дела общины, традиций которой строго придерживались в повседневном укладе, решались общим собранием взрослых мужчин – «миром». На собраниях жителей посёлка обсуждались вопросы, связанные с выделением покосов, уборкой урожая, ремонтом дорог, усадебных помещений, с уплатой налогов, семейными неурядицами и др.

Во главе общины стоял староста. Его выбирали всем «миром» на один год. Выбирать могли только женатые мужчины – главы семейств. Право голоса имела и женщина-вдова, но только до тех пор, пока сын, живущий с ней, не обзавёлся собственной семьёй. По свидетельству наших информантов Н.И. Селеткова и П.Г. Мартюшева, в отличие от Приморья, где староста всегда был один, в старообрядческой Романовке, расположенной на востоке Маньчжурии, выбирали двух старост – одного для ведения внутриобщинных дел, второго (который был также уполномоченным БРЭМа¹) – для связи общины с внешним миром.

Староста, выбранный для ведения внутриобщинных дел, собирал общину для разрешения различных хозяйственных и семейных вопросов. Так, житель Романовки А.И. Калугин рассказал, что на собраниях жителей посёлка «...обсуждались разные вопросы, связанные с уборкой урожая, с ремонтом жилых помещений и скотных дворов, с уплатой налогов и т. д.»².

Таким образом, традиции жизни общины, которым следовали старообрядцы в России в досоветское время, во всей полноте проявились и в Северо-Восточном Китае. «Всем миром» платили налоги, ежегодно делили сенокосные угодья, пахотную землю, решали различные спорные вопросы. Обычно на семью приходилось до двух десятин пашни, иногда больше. Отец нашего информанта П.Г. Мартюшева имел три десятины пахотной земли, так как он владел пасекой и мельницей, которой пользовались все односельчане³. По традициям общинного быта, в основных видах

История религии

хозяйственной деятельности – строительстве избы, вспашке и уборке урожая, заготовке овощей впрок, – широкое распространение получили традиционные для русских *помочи* с использованием труда как родственников, так и соседей-однообщинников. *Помочи* устраивали многие хозяева или хозяйки. Участие в них никак не оплачивалось. Вознаграждением было только угощение, которое непременно выставлял хозяин. Характерной была ещё одна особенность хозяйственно-бытового уклада старообрядцев – взаимопомощь. Она распространялась обычно на обедневших, одиноких или вдовых однообщинников. Такая помощь могла быть как открытой (в различных хозяйственных работах, в обустройстве усадьбы, в снабжении продуктами питания), так и скрытой, напомилавшей милостыню, когда продукты питания приносили к избе в тёмное время суток, тайно⁴.

Лица, выбранные на пост старосты-уполномоченного БРЭМа определённого старообрядческого посёлка в Маньчжурии, заполняли особые, довольно подробные анкеты – «Биографические сведения», в которых отражались причина эмиграции, место жительства, профессия или основное занятие, социально-демографическая характеристика анкетированного, состав его семьи, сведения о близких и дальних родственниках, их местонахождение и др.

Имена сельских старост стали известны по архивным материалам, сведениям, собранным японскими исследователями, и отчасти по данным наших информантов. Все они отмечали, что старосту выбирали на эту должность всей общиной, т. е. «миром», сроком на один год⁵.

По данным японского исследователя Ё. Накамура, в самом крупном старообрядческом посёлке старообрядцев-часовенных, Романовке, в 1937 г. старостой служил Иван Калугин-младший, в 1938 г. – Семен Калугин, в 1939 г. – Иван Калугин-старший, в 1940 г. – Сазон Фёдоров, в 1941 г. – Георгий Селедков, в 1942 г. – Сазон Бодунов, а в 1945 г. – Иван Селедков⁶.

Анализ архивных материалов позволил выявить имена некоторых старост-уполномоченных Бюро по делам российских эмигрантов (БРЭМа) по нескольким старообрядческим посёлкам Маньчжурии (Романовка, Медяны, Селинхе и др.). Эти данные несколько расходятся со свидетельствами японских исследователей. Так, в пос. Романовка с апреля 1940 г. по апрель 1941 г. функции уполномоченного выполнял Корнилий Сафонович Гуськов⁷. Его сменил Андрей Лазаревич (Назарович) Мартюшев, прослуживший на этом посту до мая 1942 г.⁸ На смену ему пришёл Анисим Иванович Калугин – службу старостой он закончил в июле 1943 г.⁹ Следующим старостой был Леонтий Иванович Селетков¹⁰.

«Миром» выбирали старосту-уполномоченного и в других старообрядческих посёлках Маньчжурии. Так, согласно архивным материалам БРЭМа, в пос. Медяны с апреля 1942 г. по апрель 1943 г. старостой-уполномоченным БРЭМа по этому посёлку был Феодул Иванович Полушкин¹¹. Через год его сменил Афанасий Матвеевич Постников¹².

Староста, выполнявший функции уполномоченного по внешним связям в определённом населённом пункте, выбирался общиной, и, после согласования с рядом инстанций, окончательно утверждался высшим руководством БРЭМа.

Смена старосты-уполномоченного проходила по представлению руководителя отделения, затем – округа, и утверждалась руководителями БРЭМа. Сведения об утверждённой на этот пост кандидатуре «спускались» до низшей административной инстанции. Это видно из ряда сохранившихся документов.

Так, 10 июля 1940 г. Общий отдел Бюро по делам российских эмигрантов отправил депешу начальнику отделения Бюро на ст. Ханьдаохэцзы, в которой сообщил следующее: «Согласно Вашего представления в посёлок Романовка приказом от 16 мая с. г. за № 3188 был допущен к временно исполняющему делами Представителя Отделения в посёлке Гуськов Корнилий Сафонович.

Начальник Главного Бюро приказал донести:

1) Известно ли Вам, что означенный Гуськов К.С. прибыл нелегально из СССР 18.10.1935 г.? и

2) Какие у Вас имеются данные о нём?»¹³.

Уже 18 июля 1940 г. начальник Ханьдаохэзского отделения БРЭМа ответил следующее: «На Ваше отношение за № 2637 от 10 июля с. г. сообщаю, что кандидатура Гуськова Корнилия Сафоновича, в Представители Отделения Бюро в пос. Романовка была ещё согласована при Начальнике Отделения Бюро С.И. Долове, но не была своевременно оформлена...

В пос. Романовка из 27 семей только 3 семьи прибыли из СССР в 1923 г. и 1924 г., причём из этих семей нельзя выбрать Представителя. Остальные семьи прибыли из СССР: 1 – 1930, 2 – 1931, 10 – 1932, 5 – 1933, 1 – 1934, 5 – 1935 г.г. Причём все они бежали от Советской власти и поэтому приехали нелегально.

Всем 27 семьям разрешено образовать посёлок – «Романовка» Высшей Инстанции под круговую поруку.

Таким образом, ответственность их всех одинакова – все отвечают друг за друга, а при выборе Представителя приходится руководствоваться степенью возможности вести дело Представителя, так как хорошо грамотных нет – все полуграмотные и безграмотные.

Никакой серьёзной работы Представителю Романовки не поручается и нет возможности поручить, в этих случаях туда командировается сотрудник Отделения Бюро или Высшей Инстанции. Представитель же несёт самые ограниченные функции по связи»¹⁴.

Таким же путём, по соответствующим инстанциям происходила смена Представителей отделений БРЭМа в последующие годы:

«12 мая 1941 г.

П.2. Объявляю приказ Начальника Бюро по делам Российских эмигрантов в г. Муданьцзян за № 28 от 8 го мая, п. 8:

Объявляю для сведения приказ ГБРЭМА в Маньчжурской Империи от 3–го мая 1941 г. за № 28, п. 4...:

В виду истечения срока полномочий Представителя Отделения Бюро на ст. Ханьдаохэцзы, в посёлке Романовка Гуськова Корнилия Сафроновича, освобождаю его от занимаемой должности с 28 апреля сего года.

Российского эмигранта Мартюшева Андрея Назаровича допускаю к исполнению должности Представителя Отделения Бюро на ст. Ханьдаохэцзы, в посёлке Романовка с того же числа.

Нагрудный знак за № 380 подлежит перечислению с К.С. Гуськова на А.Н. Мартюшева.

Господина Гуськова К.С. исключить, а г. Мартюшева А.Н. внести в список служащих временного состава Главного Бюро, Бюро в г. Муданьцзян и Отделения Бюро на ст. Ханьдаохэцзы с 28 апреля 1941 года.

Основание: рапорт Начальника в г. Муданьцзян от 28 апреля 1941 г. за № 543 (вх. 1691)»¹⁵.

Эти документы подтверждают сведения, полученные нами от информантов, прежде всего – бытование в Маньчжурии важной функции общины, круговой поруки, т. е. ответственности всех жителей посёлка-общины за каждого однообщинника. Именно благодаря круговой поруке было разрешено создать пос. Романовку. При назначении на должность уполномоченного БРЭМа претенденту задавался вопрос – «Кто из видных общественных или административных лиц может за вас поручиться?»¹⁶. Ответ был преимущественно таков: «круговая порука жителей посёлка»¹⁷. Так ответили житель Романовки Калугин Анисим Иванович¹⁸ и житель пос. Медяны Полушкин Феодул Иванович¹⁹. Такой ответ свидетельствовал о большой роли общины в повседневной жизни маньчжурских старообрядцев.

Представленные документы свидетельствовали и о том, что представитель БРЭМа в определённом населённом пункте нес только самые ограниченные функции по связи. По рассказам некоторых старост-уполномоченных, их действительно выбирали всем «миром» под круговую поруку сроком на один год, а уже потом утверждали на должности уполномоченных БРЭМа. Так, по свидетельству Анисима Ивановича Калугина «...на общем собрании жителей посёлка Романовка весной 1942 г. я был выбран исполнять обязанности представителя „БРЭМ“ в посёлке. Решение этого собрания было направлено в „Бюро“, после чего я уже был назначен

История религии

на должность представителя отделения „Бюро эмигрантов“ на станции Ханьдаохэцзы в посёлке Романовка приказом начальника Главного «Бюро».

Должность этого представителя я занимал один год и по истечении срока моих полномочий я от исполнения обязанностей представителя «Бюро» в посёлке Романовка был освобождён»²⁰.

Японские исследователи, посетившие Романовку, подчёркивали, что она представляла собой типичную сельскую общину. По их мнению, романовцы оказались необычайно сплочёнными между собой. Деньги от продажи пойманного зверя, например, живого тигра, распределяли между всеми семьями. Даже подарки посетителей не попадали кому-либо в исключительное владение. Все поселяне помогали друг другу также рабочей силой, рабочим скотом и сельскохозяйственными орудиями²¹.

Японцы сообщили также, что посторонним не разрешалось входить на территорию старообрядческого посёлка без ведома старосты-уполномоченного БРЭМа. В обязанности последнего, как уже говорилось, входило общение с внешним миром, главным образом с ООН (Отдел особого назначения японской армии – Ю.А.), а также приём гостей и посетителей, званых и незваных, и проводы гостей²².

Посетители и гости в лице высокого японского начальства, исследователей, работников музеев, студентов и других лиц неоднократно приезжали в Романовку. Их интересовала не только повседневная жизнь маньчжурских старообрядцев во всех её проявлениях, но и предметы старины, имевшиеся у жителей старообрядческого посёлка. О прибытии высоких гостей местные отделения БРЭМа заранее предупреждали и рекомендовали оказать им всяческое содействие. Именно такое предписание получил весной 1940 г. от БРЭМа начальник отделения БРЭМа на ст. Ханьдаохэцзы:

«29-го сего Мая Бюро посетили помощник Президента Центрального Музея г. Сонда и чиновник для особых поручений Союгуса и передали письмо Советника Синьцзинского Отделения – Ватанабэ на моё имя, в котором сообщается, что Президент Центрального Музея г. Фудзияма и его помощник г. Сонда желают приобрести разного рода вещи старинного русского обихода для музея и с этой целью намерены посетить посёлок Романовка.

Сообщая о сем, предлагаю оказать всякое содействие г. Фудзияма и Сонда и исполнения возложенного на них поручения»²³.

В мае 1941 г. Ханьдаохэцзский район посетил начальник Ниппонской Императорской Военной Миссии в г. Харбине генерал Янагита. Начальник отделения БРЭМа по этому району объявил благодарность всем представителям БРЭМа по населённым пунктам вверенного ему района, в числе которых был и представитель пос. Романовка²⁴.

Весной 1942 г. в Романовку неоднократно приезжали сотрудники Харбинского медицинского университета, и местному старосте-уполномоченному БРЭМа по пос. Романовка предписывалось оказать им всяческое содействие: *«31 марта 1942 г. ... Мартюшеву Андрею Назаровичу Представителю Бюро в пос. Романовка. Предлагаю Вам оказать всяческое содействие в исполнении возложенного поручения командированным служащим Харбинского Медицинского Государственного Университета – проректору – профессору Мураками, пяти профессорам и старшему русскому студенту – медику Георгию Кислицину.*

Командированные лица, прибыв в посёлок Романовку, пробудут несколько дней для данных на них поручений. Предлагается отвести для них более удобное помещение.

По окончании и отъезде Командированных, Вам надлежит донести в Главное Бюро»²⁵.

А.Н. Мартюшеву и другим жителям Романовки, оказавшим помощь и содействие командированным в посёлок профессорам Харбинского медицинского университета, была объявлена благодарность²⁶.

Калугину Анисиму Ивановичу, сменившему на посту представителя БРЭМа по пос. Романовка А.Н. Мартюшева, тоже неоднократно предлагалось оказывать содействие представителям прессы, японской и русской администрации, посещавшим

романовских старообрядцев. Так, 16 июля 1942 г. от руководства БРЭМа он получил следующее предписание:

«Предлагаю Вам оказать всяческое содействие в исполнении возложенного поручения командированным профессорам Государственного Университета „Кенкоку“ в г. Синьцзине – г-ну Окано Канаки и г-ну Амазава Фузироо и сопровождающему их студенту Сироткину Сергею Алексеевичу.

Командированные лица, прибыв в пос. Романовка, пробудут несколько дней, для лучшего выполнения возложенных на них поручений предлагается отвести для них более удобное помещение»²⁷.

В феврале 1943 г. начальник БРЭМ генерал от кавалерии В.А. Кислицин направил А.И. Калугину в письменном виде новое поручение: *«...Предлагаю Вам оказать всяческое содействие в исполнении возложенного поручения командированному Представителю газеты «Асахи» господину М. Азава»²⁸.*

Такие посещения свидетельствуют о большом интересе японских властей и получавших от них поручения японских исследователей к проблеме адаптации маньчжурских старообрядцев к местным природно-экологическим и социально-экономическим условиям. Японцы считали, что опыт повседневной жизни русского сельского населения в условиях Маньчжурии может быть воспринят японскими крестьянами, которых правительство Японии предполагало в массовом порядке переселить на Северо-Восток Китая.

Ещё одной важной составляющей общественного быта была религиозная жизнь общины. По сообщениям реэмигрантов, старообрядцы Романовки и ряда других старообрядческих селений Маньчжурии, с жителями которых у романовцев были брачные контакты, считались старообрядцами-беспоповцами (часовенное согласие). Поэтому руководство конфессиональной общины осуществлял настоятель – выборное от всех старообрядцев лицо. Ему, как и старосте, принадлежала значительная роль в руководстве повседневной жизнью населения старообрядческого посёлка. В Романовке обязанности настоятеля длительное время исполнял Ксенофонт Петрович Бодунов.

По свидетельству Ё. Накамура, японским посетителям было известно, что романовцы, в отличие от обычных русских эмигрантов, являются старообрядцами и для отправления своих религиозных потребностей собираются в специальном помещении – моленном доме («моленной»), построенном сообща всеми жителями Романовки²⁹.

Другой японский исследователь, Г. Тэруока, сообщил, что спустя четыре года после основания Романовки её жители, старообрядцы-беспоповцы, построили себе маленькую деревенскую церковь (моленный дом). Это небольшое по размерам, скромное на вид здание играло важную роль в общественной и духовной жизни односельчан. Здесь проводили моления, крестили детей, венчали, отпевали, устраивали различные православные праздники, сюда приходили и старые, и молодые. Таким образом, молельня стала выполнять функцию спланивающего фактора для всех жителей Романовки. Японский исследователь отмечал также, что в каждом доме были иконы, играющие, по его мнению, важную роль в жизни романовцев³⁰.

Его наблюдения дополнил Ё. Накамура: *«На площади в центре Романовки стояла «моленная», построенная в 1939 г. Настоятелем был Ксенофонт Петрович Бодунов... который среди поселян слыл кротким человеком. В моленне находились, по словам К. Фудзиямы, старинные иконы и книги. Кроме того, каждая семья бережно хранила святыни и у себя дома»³¹.* Он сообщил, что посетивший Романовку в 1945 г. японский географ, профессор Токийского университета К. Иидзука, в избе у Ивана Селедкова увидел *«...складные иконы, состоявшие из трёх или пяти частей, с латунным окладом, картины маслом в византийском стиле, которые по преданию были написаны 400 или 500 лет назад, толстые книги в кожаном переплёте»³².* По свидетельству К. Иидзука, ему сообщили, что это Библия и книги о магии³³. *«Все книги, – добавляет Ё. Накамура, – были написаны на языке, неизвестном профессору Токийского университета»³⁴.*

По свидетельству Ё. Накамура, японский журналист Ивано Анэгава связывал переселение старообрядцев в Маньчжурию с легендой «Беловодья»,

История религии

распространённой среди русских староверов³⁵. Ё. Накамура предполагал, что японцы, посещавшие Романовку, духовной стороне жизни романовцев уделяли меньше внимания, чем материальной³⁶. Об этом же говорили потомки маньчжурских старообрядцев: *«Ни японские, ни китайские власти в духовную жизнь совершенно не вмешивались. Их интересовали только жизненные вопросы – чем занимается русское население, быт русского человека, не связаны ли с японцами, или китайцами»*³⁷. Ё. Накамура полагал, что японцы как будто сдерживали своё любопытство, чтобы не оскорблять религиозных чувств старообрядцев Романовки. Поэтому для японских исследователей так и осталось невыясненным, к какому толку старообрядчества относились жители села, а также чем отличались их догмы от верований других староверов. Тем не менее, по свидетельству Ё. Накамура, японцы зафиксировали отдельные моменты религиозной жизни и повседневного быта старообрядцев Романовки: *«...перечисляем бессистемно записанные японцами некоторые черты быта романовцев, имеющие отношение к религии.*

1. На кладбище, расположенном под холмом за речкой, поставлены восьми-конечные кресты.
2. При входе в чужую избу прежде всего полагалось трижды креститься на иконы в красный угол, каждый раз кладя поклоны.
3. Романовцы никогда не едят за одним столом с иноверцами. Для иноверцев имеется отдельная посуда.
4. Перед и после каждой еды все члены семьи по очереди встают и трижды крестятся на иконы в красный угол, каждый раз кладя поклоны.
5. Того, кто нарушил какой-либо религиозный запрет, отлучают от общего стола.
6. Вечером по субботам и рано утром по воскресеньям все жители посёлка собираются в моленне, где совершают долгое богослужение.
7. Мужчины ходят в моленну в чёрном кафтани.
8. Иноверцев в моленну не пускают.
9. Пост соблюдается с крайней строгостью.
10. Запрещается употребление алкогольных напитков, чая или кофе, курение табака. В избе даже посторонним не разрешается курить.
11. Во время великого поста запрещаются пение и танцы. На светлой неделе «под старинные песни заводятся хороводы и хороводные игры, в которых молодёжь бегают попарно, танцует и веселится».
12. Мужчины не бреются.
13. Брак с иноверцем запрещается. Не известно ни одного случая заключения такого брака в Романовке»³⁸.

Как видим, японцы действительно обратили внимание на многие черты повседневного семейного и общественного быта старообрядцев Романовки. Большинство из них связаны с религиозными канонами: поведение в семейном коллективе, во время службы в моленной, отправления семейных и календарных праздников и др. Подметили они и ряд запретов, в частности, пищевых и касающихся общения с иноверцами. Такое поведение старообрядцев Романовки в их повседневном быту в 1940-е гг. подтверждают и наши информанты³⁹.

Таким образом, ряд общественных мероприятий старообрядцев Романовки был связан с их религиозными воззрениями. По свидетельству самих романовцев, они не устраивали собраний, посвящённых каким-либо праздникам и политическим мероприятиям, проводимым японцами в Маньчжурии. В частности, Калугин Анисим Иванович сообщил: *«Жители посёлка Романовка почти все были староверы и праздновали только религиозные праздники. Собраний, посвящённых праздникам и каким-либо политическим мероприятиям у нас не было»*⁴⁰.

В число отмечаемых праздников (данные приводятся на примере 1941 г.) входили: в январе «Новый год, Рождество Христово, Обрезание Господне, Крещение Господне»; в феврале – «Сретение Господне»; в апреле – «Благовещение Пресвятой Богородицы, Страстная Пятница, Страстная Суббота, Святая Пасха»; в мае – «День поминовения усопших, Воскресение Господне»; в июне – «День Святого Духа»; в августе – «Преображение Господне»; в сентябре – «День поминовения

усопших, Рождество Пресвятой богородицы, Воздвижение Креста Господня»; в декабре – «Введение во Храм Пресвятой Богородицы», и др.

Как и в Приморье, откуда преимущественно вышли маньчжурские старообрядцы-бесполовцы, большое влияние на повседневный семейный и общественный быт оказывали *соборы*. Сохранились материалы о нескольких соборах, проведённых старообрядцами-часовенными в Маньчжурии. На них собирались уважаемые, знающие толк в старообрядческом учении мужчины-старообрядцы. Их задачей было соблюдение старообрядцами истинных основ православной веры, разбор спорных вопросов, касающихся веры и повседневной жизни, нарушений отдельными лицами определённых религиозных канонов, отношение к различным новшествам и пр. Таким образом, соборы полностью регламентировали повседневную жизнь старообрядцев.

Архивные данные о «соборных уложениях», принятых на соборах в Северо-Восточном Китае, хранятся в Институте истории СО РАН в Новосибирске⁴¹ и личных архивах наставников старообрядцев-часовенных Хабаровского края и Северной Америки.

На соборе, прошедшем 23–24 июня 1941 г. в маньчжурской Романовке, которая, по свидетельству японских исследователей, была центром религиозной жизни, среди прочих проблем разбирался и вопрос о ношении «чужой», т. е. не старообрядческой одежды. Особенно это касалось внешнего облика женщин-старообрядок: «...предосудительно жёнам надевать шляпу и шапку и заниматься особенно уборкою и завивкою волос или набок причёсывать...»⁴². Аналогичные вопросы, касающиеся ношения одежды и обуви, разбирались в конце декабря – начале января 1927 г. на соборе, прошедшем в Бикине (Приморье). Так, в Бикинском соборном уложении, в частности, отмечено: «*Шапки из поганого зверя не носите, а кто будет носить, такового отлучать, и кепки и картузы не носить... Пинжаки и сапоги со скрипом и жёнам необычную одежду нехристианскую не носить, а носить обычную христианскую одежду*»⁴³.

Однако время брало своё. В Маньчжурии 1930–1940-х гг. новшества в ношении одежды и обуви всё же проникали в старообрядческую, прежде всего – мужскую среду. Мужчины-старообрядцы носили цивильные пальто, ботинки, а также японские шапки, а те из них, кто проходил подготовку в японских отрядах, – японскую военную форму.

На соборе, состоявшемся 15 апреля 1943 г. в маньчжурском пос. Селинхэ, присутствовали настоятели и братия из следующих маньчжурских посёлков старообрядцев-часовенных: Романовки, Коломба (Колумбэ), Масаевки (Масаловка). На соборе были рассмотрены ряд вопросов: о Божоявленской воде; о том, есть ли разница между настоятелем и священником; о принятии или не принятии новопечатных религиозных книг; о букварях и стенных календарях. Разбирались вопросы и о прелюбодеянии и расторжении брака. Виновные в прелюбодеянии были отлучены от братии на несколько лет; желающему развестись с женой не советовали этого делать: «*Еже богъ сочета человекъ да неразлучаеъ*», пригрозив, что в противном случае он будет отлучён и жениться в будущем ему не разрешат⁴⁴.

Ещё один собор старообрядцев-часовенных Маньчжурии состоялся после окончания Второй мировой войны. Он проходил в 1953 г. в пос. Татинцван, куда выехали многие жители пос. Романовка, Медяны, Селинхэ, а также настоятели и некоторые прихожане из маньчжурских посёлков: Ивановки, Семёновки, Тважанца, Знаменки, Чжеютин (Сыдоохедзы), Татиихе (Татинхе). Рассматривались вопросы, касающиеся повседневной религиозной, общественной и семейной жизни. В частности, вновь поднимался вопрос о ношении «одежды необычной»: «...*смотреть настоятелям на местах, более придерживаться обычных одежд... по подобию истинных христиан*»; указывались дни календаря, в которые можно употреблять в пищу рыбу; определялась мера наказания (*епитимья*) при питье *ханы* (китайской водки – Ю.А.), при употреблении аптечных лекарств; говорилось о необходимости иметь восприемников при крещении ребенка и запрете крестить при отсутствии восприемников; подтверждалась возможность вступления в брак только с людьми, имеющими не менее семи степеней родства и др.⁴⁵

Таким образом, общественный уклад маньчжурских старообрядцев в своей основе не отличался от общественной жизни староверов Приморья. Некоторые изменения, которые присутствовали в быту этой группы русского населения (выполнение выбранного общиной старосты обязанностей по «внешним связям», некоторые нарушения в традициях ношения одежды, заполнения личных анкет и др.) были вызваны реалиями изменившегося окружения: новая страна и правительство, иноэтничное окружение; стремление выжить в непривычных условиях. Но неизблемость религиозных воззрений, касающихся разных сторон повседневной жизни, которую более всего хотели сохранить старообрядцы, оставалась в Маньчжурии нетронутой. Эти воззрения во многом сохранились не только у реэмигрантов, возвратившихся в Россию из Маньчжурии, и их потомков, но и, как показали наши исследования, у тех старообрядцев, кто эмигрировал в конце 1950 – начале 1960-х гг. из Китая в Австралию, Северную и Южную Америку.

Библиографический список

1. Анэгава, И. Жизнь раскольников / И. Анэгава // Канко Тоа. № 1. – Чанчунь, 1943.
2. Государственный архив Приморского края (ГАПК). Ф. 1588. Оп. III. Д. ПУ–6945. Л. 5.
3. Государственный архив Приморского края (ГАПК). Ф. 1588. Оп. III. Д. ПУ–6945. Л. 32, 61.
4. Государственный архив Приморского края (ГАПК). Ф. 1588. Оп. III. Д. ПУ–6945. Л. 62, 64.
5. Государственный архив Приморского края (ГАПК). Ф. 1588. Оп. I. Д. ПУ–7048. Л. 63.
6. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. Р–830. Оп. 1. Д. 48. Л. 17.
7. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. Р–830. Оп. 3. Д. 48. Л. 24.
8. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. Р–830. Оп. 3. Д. 48. Л. 25, 25 об.
9. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. Р–830. Оп. 3. Д. 48. Л. 59.
10. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. Р–830. Оп. 1. Д. 48. Л. 62.
11. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. Р–830. Оп. 1. Д. 48. Л. 63.
12. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. Р–830. Оп. 1. Д. 48. Л. 76, 80.
13. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. Р–830. Оп. 1. Д. 48. Л. 90.
14. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. Р–830. Оп. 3. Д. 12081.
15. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. Р–830. Оп. 3. Д. 18916.
16. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. Р–830. Оп. 3. Д. 29530.
17. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. Р–830. Оп. 3. Д. 29530. Л. 11.
18. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. Р–830. Оп. 3. Д. 37962.
19. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. Р–830. Оп. 3. Д. 37962, 38732.
20. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. Р–830. Оп. 3. Д. 42545.
21. Духовная литература староверов Востока России XVIII–XX вв. – Новосибирск: Сиб. Хронограф, 1999.
22. Накамура, Ё. Посёлок староверов Романовка в Маньчжурии. 1936–1945 гг. (Рукопись).
23. Накамура, Ё. Романовка – посёлок староверов в Маньчжурии (1936–1945 гг.) / Ё. Накамура // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. – Новосибирск, 1992.
24. Полевые материалы автора (ПМА) Информация Басаргина Михаила Анисимовича, с. Тавлинка Солнечного района Хабаровского края.
25. Полевые материалы автора (ПМА). Информация Мартюшева Прохора Григорьевича, штат Орегон (США), (информация записана в г. Владивостоке) и Селеткова Николая Ивановича, пос. Берёзовый Солнечного района Хабаровского края.
26. Полевые материалы автора (ПМА). Информация Селеткова Николая Ивановича, пос. Берёзовый Солнечного района Хабаровского края.
27. Собр. ИИ СО РАН, № 10/90-г, л. 162–165 об.: Духовная литература староверов Востока России XVIII–XX вв. Новосибирск: Сиб. Хронограф, 1999. – С. 380–383.
28. Собрание информанта Гуськова Никиты Корнильевича, с. Гусевка Солнечного района Хабаровского края.
29. Тэруока, Г. Жизнь колонизаторов. Сельское хозяйство и жизнь белых русских / Г. Тэруока. – Токио, 1942. Вып. 2.

- ¹ БРЭМ – Бюро по делам российских эмигрантов. БРЭМ – белоэмигрантская антисоветская организация, созданная японской военной разведкой в Маньчжурии в 1934 г. в целях объединения под своим руководством всех без исключения проживавших в Маньчжурии белоэмигрантов и различных белоэмигрантских антисоветских организаций для борьбы против СССР. Антисоветская работа главарей БРЭМа направлялась центральной военной японской миссией в Харбине. Руководящий центр БРЭМа – Главное бюро по делам российской эмиграции в Маньчжурии находилось в Харбине. Оно состояло из шести отделов, имело три районных бюро, которые руководили деятельностью 26-ти отделений БРЭМ во всех населённых пунктах, где проживали эмигранты.
- ² Государственный архив Приморского края (ГАПК). Ф. 1588. Оп. III. Д. ПУ–6945. Л. 32, 61.
- ³ Полевые материалы автора (ПМА). Информация Мартюшева Прохора Григорьевича, штат Орегон (США); информация записана в г. Владивостоке.
- ⁴ Полевые материалы автора (ПМА). Информация Селеткова Николая Ивановича, пос. Берёзовый Солнечного района Хабаровского края.
- ⁵ Полевые материалы автора (ПМА). Информация Мартюшева Прохора Григорьевича, штат Орегон (США), (информация записана в г. Владивостоке) и Селеткова Николая Ивановича, пос. Берёзовый Солнечного района Хабаровского края.
- ⁶ Ёсикадзу Накамура. Посёлок староверов Романовка в Маньчжурии. 1936–1945 гг. (Рукопись). С. 12.
- ⁷ Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. Р–830. Оп. 3. Д. 12081.
- ⁸ ГАХК. Ф. Р–830. Оп. 3. Д. 29530.
- ⁹ ГАХК. Ф. Р–830. Оп. 3. Д. 18916.
- ¹⁰ ГАХК. Ф. Р–830. Оп. 3. Д. 42545.
- ¹¹ ГАХК. Ф. Р–830. Оп. 3. Д. 37962.
- ¹² ГАХК. Ф. Р–830. Оп. 3. Д. 37962, 38732.
- ¹³ ГАХК. Ф. Р–830. Оп. 3. Д. 48. Л. 24.
- ¹⁴ ГАХК. Ф. Р–830. Оп. 3. Д. 48. Л. 25, 25 об.
- ¹⁵ ГАХК. Ф. Р–830. Оп. 3. Д. 48. Л. 59.
- ¹⁶ ГАХК. Ф. Р–830. Оп. 3. Д. 37962.
- ¹⁷ ГАПК. Ф. 1588. Оп. III. Д. ПУ–6945. Л. 5.
- ¹⁸ ГАПК. Ф. 1588. Оп. III. Д. ПУ–6945. Л. 5.
- ¹⁹ ГАХК. Ф. Р–830. Оп. 3. Д. 37962.
- ²⁰ ГАПК. Ф. 1588. Оп. III. Д. ПУ–6945. Л. 62, 64.
- ²¹ Ёсикадзу Накамура. Посёлок староверов Романовка в Маньчжурии. 1936–1945 гг. (Рукопись). С. 12; Накамура Ё. Романовка – посёлок староверов в Маньчжурии (1936–1945 гг.) // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск, 1992. С. 251.
- ²² Там же.
- ²³ ГАХК. Ф. Р–830. Оп. 1. Д. 48. Л. 17.
- ²⁴ ГАХК. Ф. Р–830. Оп. 1. Д. 48. Л. 63.
- ²⁵ ГАХК. Ф. Р–830. Оп. 1. Д. 48. Л. 76, 80.
- ²⁶ ГАХК. Ф. Р–830. Оп. 3. Д. 29530. Л. 11.
- ²⁷ ГАХК. Ф. Р–830. Оп. 1. Д. 48. Л. 62.
- ²⁸ ГАХК. Ф. Р–830. Оп. 1. Д. 48. Л. 90.
- ²⁹ Накамура Ё. Романовка – посёлок староверов в Маньчжурии (1936–1945 гг.) // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск, 1992. С. 252.
- ³⁰ Тэруока Г. Жизнь колонизаторов. Сельское хозяйство и жизнь белых русских. Токио, 1942. Вып. 2. С. 60.
- ³¹ Ёсикадзу Накамура. Посёлок староверов Романовка в Маньчжурии. 1936–1945 гг. (Рукопись). С. 13.
- ³² Там же. С. 13, 14.
- ³³ Там же. С. 14.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Ёсикадзу Накамура. Посёлок староверов Романовка в Маньчжурии. 1936–1945 гг. (Рукопись). С. 13; Анэгава И. Жизнь раскольников // Канко Тоа. № 1. Чанчунь, 1943. С. 21.
- ³⁶ Накамура Ё. Романовка – посёлок староверов в Маньчжурии (1936–1945 гг.) // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск, 1992. С. 252.
- ³⁷ Полевые материалы автора (ПМА). Информация Басаргина Михаила Анисимовича, с. Тавлинка Солнечного района Хабаровского края.
- ³⁸ Ёсикадзу Накамура. Посёлок староверов Романовка в Маньчжурии. 1936–1945 гг. (Рукопись). С. 14–15.
- ³⁹ Полевые материалы автора (ПМА). Информация Басаргина Михаила Анисимовича, с. Тавлинка Солнечного района Хабаровского края.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Собр. ИИ СО РАН, № 10/90-г, л. 162–165 об.: Духовная литература староверов Востока России XVIII–XX вв. Новосибирск: Сиб. Хронограф, 1999. С. 380–383.
- ⁴² Духовная литература староверов Востока России XVIII–XX вв. Новосибирск: Сиб. Хронограф, 1999. С. 380.
- ⁴³ ГАПК. Ф. 1588. Оп. I. Д. ПУ–7048. Л. 63.

⁴⁴ Собрание информанта Гуськова Никиты Корнильевича, с. Гусевка Солнечного района Хабаровского края.

⁴⁵ Духовная литература староверов Востока России XVIII–XX вв. Новосибирск: Сиб. Хронограф, 1999. С. 381–383.

References

1. *Gosudarstvennyy arkhiv Primorskogo kraya* [State Archive of Primorsky Krai]. Fund 1588, inventory III, file PÜ–6945, fol. 32, 61.
2. Nakamura Yo. *Posyelok staroverov Romanovka v Man'chzhurii. 1936–1945 gg. (Rukopis')* [The Old Believer's Village of Romanovka in Manchuria. 1936–1945 (A Manuscript)]. P. 12.
3. *Gosudarstvennyy arkhiv Khabarovskogo kraya* [State Archive of Khabarovsk Krai]. Fund R–830, inventory 3, file 12081.
4. *Gosudarstvennyy arkhiv Primorskogo kraya* [State Archive of Primorsky Krai]. Fund R–830, inventory 3, file 29530.
5. *Gosudarstvennyy arkhiv Khabarovskogo kraya* [State Archive of Khabarovsk Krai]. Fund R–830, inventory 3, file 18916.
6. *Gosudarstvennyy arkhiv Khabarovskogo kraya* [State Archive of Khabarovsk Krai]. Fund R–830, inventory 3, file 42545.
7. *Gosudarstvennyy arkhiv Khabarovskogo kraya* [State Archive of Khabarovsk Krai]. Fund R–830, inventory 3, file 37962.
8. *Gosudarstvennyy arkhiv Khabarovskogo kraya* [State Archive of Khabarovsk Krai]. Fund R–830, inventory 3, files 37962, 38732.
9. *Gosudarstvennyy arkhiv Khabarovskogo kraya* [State Archive of Khabarovsk Krai]. Fund R–830, inventory 3, file 48, fol. 24.
10. *Gosudarstvennyy arkhiv Khabarovskogo kraya* [State Archive of Khabarovsk Krai]. Fund R–830, inventory 3, file 48, fols. 25, 25 ob.
11. *Gosudarstvennyy arkhiv Khabarovskogo kraya* [State Archive of Khabarovsk Krai]. Fund R–830, inventory 3, file 48, fol. 59.
12. *Gosudarstvennyy arkhiv Khabarovskogo kraya* [State Archive of Khabarovsk Krai]. Fund R–830, inventory 3, file 37962.
13. *Gosudarstvennyy arkhiv Primorskogo kraya* [State Archive of Primorsky Krai]. Fund 1588, inventory III, file PÜ–6945, fol. 5.
14. *Gosudarstvennyy arkhiv Primorskogo kraya* [State Archive of Primorsky Krai]. Fund 1588, inventory III, file PÜ–6945, fol. 5.
15. *Gosudarstvennyy arkhiv Khabarovskogo kraya* [State Archive of Khabarovsk Krai]. Fund R–830, inventory 3, file 37962.
16. *Gosudarstvennyy arkhiv Primorskogo kraya* [State Archive of Primorsky Krai]. Fund 1588, inventory III, file PÜ–6945, fols. 62, 64.
17. Nakamura Yo. *Posyelok staroverov Romanovka v Man'chzhurii. 1936–1945 gg. (Rukopis')* [The Old Believer's Village of Romanovka in Manchuria. 1936–1945 (A Manuscript)]. P. 12.
18. Nakamura Yo. *Traditsionnaya dukhovnaya i material'naya kul'tura russkikh staroobryadcheskikh poseleniy v stranakh Evropy, Azii i Ameriki* [Traditional Spiritual and Material Culture of the Russian Old Believer Settlements in European, Asian and American Countries]. Novosibirsk, 1992, p. 251.
19. Nakamura Yo. *Posyelok staroverov Romanovka v Man'chzhurii. 1936–1945 gg. (Rukopis')* [The Old Believer's Village of Romanovka in Manchuria. 1936–1945 (A Manuscript)]. P. 12.
20. Nakamura Yo. *Traditsionnaya dukhovnaya i material'naya kul'tura russkikh staroobryadcheskikh poseleniy v stranakh Evropy, Azii i Ameriki* [Traditional Spiritual and Material Culture of the Russian Old Believer Settlements in European, Asian and American Countries]. Novosibirsk, 1992, p. 251.
21. *Gosudarstvennyy arkhiv Khabarovskogo kraya* [State Archive of Khabarovsk Krai]. Fund R–830, inventory 1, file 48, fol. 17.
22. *Gosudarstvennyy arkhiv Khabarovskogo kraya* [State Archive of Khabarovsk Krai]. Fund R–830, inventory 1, file 48, fol. 63.
23. *Gosudarstvennyy arkhiv Khabarovskogo kraya* [State Archive of Khabarovsk Krai]. Fund R–830, inventory 1, file 48, fols. 76, 80.
24. *Gosudarstvennyy arkhiv Khabarovskogo kraya* [State Archive of Khabarovsk Krai]. Fund R–830, inventory 3, file 29530, fol. 11.
25. *Gosudarstvennyy arkhiv Khabarovskogo kraya* [State Archive of Khabarovsk Krai]. Fund R–830, inventory 1, file 48, fol. 62.
26. *Gosudarstvennyy arkhiv Khabarovskogo kraya* [State Archive of Khabarovsk Krai]. Fund R–830, inventory 1, file 48, fol. 90.
27. Nakamura Yo. *Traditsionnaya dukhovnaya i material'naya kul'tura russkikh staroobryadcheskikh poseleniy v stranakh Evropy, Azii i Ameriki* [Traditional Spiritual and Material Culture of the Russian Old Believer Settlements in European, Asian and American Countries]. Novosibirsk, 1992, p. 252.
28. Teruoka J. *Zhizn' kolonizatorov. Sel'skoe khozyaystvo i zhizn' belykh russkikh* [The Life of Conquerors. Agriculture and Life of White Russians]. Tokio, 1942, vol. 2, p. 60.
29. Nakamura Yo. *Posyelok staroverov Romanovka v Man'chzhurii. 1936–1945 gg. (Rukopis')* [The Old Believer's Village of Romanovka in Manchuria. 1936–1945 (A Manuscript)]. P. 13.

30. Nakamura Yo. *Posyelok staroverov Romanovka v Man'chzhurii. 1936–1945 gg. (Rukopis')* [The Old Believer's Village of Romanovka in Manchuria. 1936–1945 (A Manuscript)]. Pp. 13, 14.
31. Nakamura Yo. *Posyelok staroverov Romanovka v Man'chzhurii. 1936–1945 gg. (Rukopis')* [The Old Believer's Village of Romanovka in Manchuria. 1936–1945 (A Manuscript)]. P. 14.
32. Nakamura Yo. *Posyelok staroverov Romanovka v Man'chzhurii. 1936–1945 gg. (Rukopis')* [The Old Believer's Village of Romanovka in Manchuria. 1936–1945 (A Manuscript)]. P. 14.
33. Nakamura Yo. *Posyelok staroverov Romanovka v Man'chzhurii. 1936–1945 gg. (Rukopis')* [The Old Believer's Village of Romanovka in Manchuria. 1936–1945 (A Manuscript)]. P. 13.
34. Anegawa I. *Kanko Toa*. No. 1. Changchun, 1943, p. 21.
35. Nakamura Yo. *Traditsionnaya dukhovnaya i material'naya kul'tura russkikh staroobryadcheskikh poseleniy v stranakh Evropy, Azii i Ameriki* [Traditional Spiritual and Material Culture of the Russian Old Believer Settlements in European, Asian and American Countries]. Novosibirsk, 1992, p. 252.
36. Nakamura Yo. *Posyelok staroverov Romanovka v Man'chzhurii. 1936–1945 gg. (Rukopis')* [The Old Believer's Village of Romanovka in Manchuria. 1936–1945 (A Manuscript)]. Pp. 14–15.
37. *Dukhovnaya literatura staroverov Vostoka Rossii XVIII–XX vv.* [Spiritual Culture of the Old Believers in the Russian East in the 18th–20th Centuries]. Novosibirsk, Sib. Khronograf, 1999, pp. 380–383.
38. *Dukhovnaya literatura staroverov Vostoka Rossii XVIII–XX vv.* [Spiritual Culture of the Old Believers in the Russian East in the 18th–20th Centuries]. Novosibirsk, Sib. Khronograf, 1999, p. 380.
39. *Gosudarstvennyy arkhiv Primorskogo kraja* [State Archive of Primorsky Krai]. Fund 1588, inventory I, file PU–7048, fol. 63.
40. *Dukhovnaya literatura staroverov Vostoka Rossii XVIII–XX vv.* [Spiritual Culture of the Old Believers in the Russian East in the 18th–20th Centuries]. Novosibirsk, Sib. Khronograf, 1999, pp. 381–383.